

RU

Семиотическая интерпретация природы гендерной идентичности: социально-философский анализ

Ерохин В. С.

Аннотация. Цель исследования – интерпретация природы гендерной идентичности как социального феномена с семиотической точки зрения. В статье проведен анализ маскулинного и феминного гендеров как знаков, отсылающих к соответствующим значениям в форме гендерных установок и стереотипов. Научная новизна работы заключается в понимании семиотической природы гендерной идентичности как выражающей процедуру смыслообразования в персональном и коллективном гендерном бытии, а также его трансляции в системе нормативных оснований как знаков. В результате интерпретации природы гендерной идентичности с семиотической точки зрения позволяет говорить о выделении маскулинного и феминного гендеров как знаков, отсылающих к совокупности социокультурных стереотипов как их значений. Семиотическая интерпретация природы гендерной идентичности реализуется в утверждении о принципиальной значимости процедуры смыслообразования, выраженной в приобретении и трансляции смыслов в процессе коллективной интеракции. Такие смыслы закрепляются в системе нормативных оснований как знаков, позволяющих согласовывать общественные ценности стабильности и безопасности с персональными аксиологическими основаниями самореализации.

EN

A semiotic interpretation of the nature of gender identity: a socio-philosophical analysis

V. S. Erokhin

Abstract. The study aims to interpret the nature of gender identity as a social phenomenon from a semiotic perspective. The article analyzes masculine and feminine genders as signs pointing to corresponding meanings in the form of gender attitudes and stereotypes. The scientific novelty of the work lies in conceptualizing the semiotic nature of gender identity as expressing the process of meaning-making in personal and collective gender existence, as well as its transmission within the system of normative foundations as signs. Consequently, interpreting the nature of gender identity from a semiotic perspective allows us to distinguish masculine and feminine genders as signs referring to a set of socio-cultural stereotypes as their meanings. The semiotic interpretation of the nature of gender identity is actualized through the assertion that the process of meaning-making is fundamentally significant – expressed in the acquisition and transmission of meanings during collective interaction. Such meanings are embedded within a system of normative foundations as signs, which makes it possible to reconcile public values of stability and security with the personal axiological foundations of self-realization.

Введение

Актуальность проблемы природы гендерной идентичности определяется практиками ее реализации и связана с рядом взаимодополняющих элементов. Так, достижение и практическая реализация персональной идентичности предполагает наличие социальной (говоря уже – нормативно закреплённой) иерархии, позволяющей упорядочить общественные отношения. Анализ существующих и перспективных практик гендерной идентичности дает возможность поиска наиболее эффективных моделей социальной интеракции между отдельными ее субъектами, а также построения эффективно регламентированного общества. С другой стороны, анализ семиотической природы гендерной идентичности дает возможность выделять наиболее полезные способы знакового самопрезентирования, трансляции значений в системе коллективной интеракции. В этом отношении заявленная тема исследования приобретает особую актуальность, выраженную в поиске ресурсов для смыслообразования и трансляции значений с помощью социально приемлемых знаковых систем.

Исходя из этого можно говорить о задачах исследования:

- проанализировать содержание семиотических категорий знака и значения;
- выявить ресурсы маскулинного и феминного гендеров как знаков и соответствующих им стереотипов как семиотических значений, выраженных в нормативном измерении гендерной идентичности.

В качестве методов исследования автор использует логический анализ существующих подходов к семиотическому пониманию категорий «знак» и «значение», позволяющий выявить их содержание, а также метод философской дополненности, дающий возможность говорить о единстве маскулинного и феминного гендеров как знаков, а также стереотипов поведения как их значений в процессе продуцирования гендерной идентичности.

Теоретическая база исследования состоит в совокупности научных исследований, посвященных вопросам авто- и гетеростереотипов (Ильющкин, 2015), гендерных стереотипов (Кабалевская, 2012; Карнелович, Казаренков, 2022), гендерному порядку (Силласте, 2019), гендеру как знаку (Голубева, 2009). Теоретической базой исследования являются работы классиков семиотики (Соссюр, 1998; Пирс, 2000), в которых формируются основные положения семиотического подхода в различных областях, а также труды современных исследователей (Саночкин, 2019; Бабайцев, 2010), в которых рассматриваются вопросы систематического анализа знаков, символов и значений как семиотических категорий. Анализируется научная литература, посвященная проблеме воплощения гендерных стереотипов в costume и политической сфере (Герасимов, Соснина, 2018; Ломова, 2021; Хасбулатова, 2005).

Практическая значимость работы определяется тем, что полученные результаты данного исследования могут служить основанием для формирования семиотического подхода к пониманию гендерной идентичности в различных областях и направлениях, возможности построения гендерного порядка, а также практик его реализации.

Обсуждение и результаты

Семиотическое понимание гендерной идентичности и идентификации предполагает изучение сущности знака и значения как фундаментальных категорий семиотики. В самом общем виде знак мыслится как «материальный, чувственно воспринимаемый предмет, явление, действие, которые замещают другой предмет, явление или действие» (Бабайцев, 2010, с. 991). Функционал так понимаемого знака определяется обозначением, замещением другого объекта, который воспринимается в качестве его объекта, которому приписывают значение, а также для приобретения, хранения, переработки и передачи информации (Саночкин, 2019, с. 37). При этом замещающий объект используется с поставленной интерпретатором целью. В рамках представленной логики исследования знак становится знаком только в процессе семиозиса, то есть процесса порождения смысла. Это становится возможным благодаря субъекту-интерпретатору как участнику данного процесса. Таким образом, знак формируется в процессе конструирования точки зрения, мнения интерпретатора по поводу объекта познания, не являясь свойством самого предмета.

В научной литературе сложилось несколько точек зрения по вопросу понимания знака как научного понятия, среди которых фундаментальными следует считать семиотические концепции Ф. де Соссюра (1998) и Ч. С. Пирса (2000). В рамках концепции американского мыслителя знак трактуется как замещающий предмет, свойство, отношение. Мыслитель пишет: «...знак, или *репрезентамен*, есть нечто, что замещает (*stands for*) собой нечто для кого-то в некотором отношении или качестве. Он адресуется кому-то, то есть создает в уме этого человека эквивалентный знак, или, возможно, более развитый знак. Знак, который он создает, я называю *интерпретантом* первого знака. Знак замещает собой нечто – свой *объект*. Он замещает этот объект не во всех отношениях, но лишь отсылая (*in reference*) к некоторой идее, которую я иногда называю *основанием* (*ground*) репрезентамена» (Пирс, 2000, с. 48). Знак суть «представитель» другого предмета, он означает нечто, но не всегда употребляется как денотат, то есть ему не всегда соответствует определенное (и единственное) значение. Однако он формируется в процессе порождения смыслов. Как следствие, значение, к которому отсылает знак, суть не сам предмет, а его идея, мыслительная конструкция, выражающая сущность предмета и до определенной степени отражающая отношение к ней субъекта-интерпретатора.

Важно понимать, что знак как таковой представляет собой внешнее выражение внутреннего опыта, используемое в процессе коммуникации. Последняя трактуется нами как «внешняя, выраженная в социально приемлемых формах, приемах и способах, совокупность методов и средств передачи информации между социальными субъектами» (Ерохин, Ерохина, 2021, с. 503). На этом основании возможно говорить о семиотической природе коммуникативного процесса, выраженной в использовании знаковых систем в процессе трансляции информации. В этом отношении знак необходимо отличать от сигналов как экономных информационных импульсов, которые позволяют согласовывать взаимодействия элементов системы как на уровне отдельного индивида, так и межсубъектной интеракции. Существенным отличием сигнала от знака следует считать необходимость адекватной реакции на раздражитель, в то время как знак предполагает возможность понимания смысла. На примере с трансляцией информации в технической среде (к примеру, в процессе передачи информации в форме сигналов на пульт управления) становится очевидным, что сигнал, поданный в цепи, становится знаком только тогда, когда в цепи начинает циркулировать смысл, сформированный человеком в результате известного раздражителя.

Признак же суть некодированный носитель информации, который возникает без сознательного намерения. В отличие от него, коммуникативный процесс, основанный на знаковых системах, предполагает наличие разумной предрасположенности к совместной деятельности, телеологичности. В результате все возможные практики персональной идентификации обладают ресурсами знаковых систем в значении ресурсов для трансляции информации в коммуникативном пространстве (процессе). Знак, как следствие, обладает такими же телеологическими и рационально детерминированными свойствами.

Практическое применение обозначенного различия признака в понимании сигнала и знака как одного из коммуникативных средств может быть реализовано следующим образом. Поскольку признак мыслится, что было показано выше, в качестве некодированного носителя информации, следует говорить о двух взаимодействующих моментах. Один из них определяется тем, что любая форма персональной и коллективной идентичности предполагает наличие признаков, характерных для группы участников социального процесса. Некодированность признака дает возможность идентифицировать отдельного субъекта в качестве принадлежащего к конкретной группе. В определенном смысле такой подход к пониманию признаков, принадлежащих или приписываемых социальной группе (а значит – отдельным ее элементам – субъектам) предполагает понимание признаков как экзогенных оснований персонального и коллективного бытия. Экзогенность такой природы определяется пониманием признаков как сигналов, потенциально вызывающих адекватную реакцию на воспринимаемого. Вместе с тем отметим и наличие эндогенного основания признаков, выраженного во включении такого субъекта в систему социальной интеракции на основании семиозиса и трансляции за счет этого смыслов. Семиотическая природа гендерной идентичности реализуется в том понимании, что признаки, приписываемые феминному и маскулинному гендеру, приобретают смысл в рамках актуальных условий коллективного бытия и могут транслироваться наиболее эффективным способом.

Второй момент определяется авторской позицией, которая выражается в положении о детерминации нормативными основаниями практик персональной идентификации. Нами заявляется постулат об эффективности такого положения в силу высокого эвристического потенциала данного подхода, а также объяснения эффективности адаптации к актуальным социальным условиям.

Развивая вышеобозначенную логику понимания знака, Ф. де Соссюр (1998) высказывает идею о том, что языковой знак представляет собой психическую сущность и естественную для человека способность к созданию знака (Федотова, 2012). Сама такая способность человека, как нам представляется, присуща природе человека, выражая его интенцию к конституированию, то есть продуцированию смыслов. В этом отношении Ф. де Соссюр (1998) близок к позиции Ч. Пирса (2000): создавая знаки, человек реализует семиозис как процесс продуцирования смыслов. Такая способность объясняется психологами (в частности, Ж. Пиаже (2004)) онтогенетическим развитием психики человека. Последний, начиная с двухлетнего возраста, реализуется на основании овладения семиотической функцией, использующей систему знаков как средства «вычерпывания» значения из предметов для реализации познавательной деятельности (сознание «вычерпывает» из предметов реальную действительность для ее хранения и передачи в материальной форме) (Уфимцев, 2013). Как следствие, процесс познания связывается учеными не только с получением истинного знания, но в том числе с характерной для человека способностью создавать и транслировать знаки, то есть создавать «добавочную стоимость» природы в форме социальности.

Вместе с тем отметим, что знак для де Соссюра (1998) имеет двучленную структуру, включающую в себя означаемое и означающее, связь между которыми не мотивирована и условна, то есть конвенциональна, и представляет собой результат согласования деятельности социальных агентов. Ученым отмечается прочная связь между означающим и означаемым, которая является общим основанием для всех представителей – носителей конкретного языка как средства трансляции социального и культурного кода. Концептуально предполагается наличие общекультурных оснований, позволяющих достигать согласования (конвенции) в отношении означающего и означаемого.

Важным здесь представляется следующий момент: язык как система знаков суть основание процесса выстраивания культуры. Благодаря тому, что означающее и означаемое находятся в отношении строгой взаимной, пусть и условной, но определенности, референт – суть внетекстовый гарант возможности однозначного толкования смыслов. Как следствие, носителю языка не требуется самостоятельно делать выбор по наделению знака смыслом в процессе семиозиса. Языковая система аккумулирует коллективный опыт и тем самым наделяет знаки смыслами, которые имеют весьма стабильные формы существования.

Такая неподатливость языка как средства трансляции информации позволяет говорить об использовании любых повседневных практик как знаков, выражающих ценные модели поведения. На этом основании значимым для нас представляется марксистский подход к пониманию знака, дополненный теорией практик П. Бурдьё (2001). В рамках марксистской традиции знак суть материальное языковое тело, включенное в деятельность человека и сочетающее в себе материальное тело и идеальную нагрузку, которая в этом теле закрепляется и транслируется. Так понимаемые знаки включены в социальные практики, которые трактуются нами как «совокупность регулярно повторяющихся общественно значимых действий, которые разделяются социальными субъектами» (Ерохин, 2021, с. 154). Обозначенный подход позволяет трактовать практики как нормирующие социальное бытие персоны, благодаря чему становится возможным достижение и реализация персональной идентификации в любой сфере индивидуального и коллективного бытия.

В частности, практики персональной идентификации предполагают наличие знаковых структур, используемых для взаимного перевода друг в друга эндогенных и экзогенных нормативных оснований. Понятие «гендер» и соответствующие формы персональной идентичности можно трактовать как нормативные основания персональной идентичности, формирующие гендерный порядок как «систему социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих в обществе отношение к гендерным проблемам и к их решению» (Силласте, 2019, с. 7). Гендер как знак представляет собой внешнее (знаковое) выражение нормирования персонального бытия.

Эффективно трактовать гендер в качестве социального конструкта, мыслимого в качестве социально-половой функции, роли, которую отдельный субъект «играет», то есть воспроизводит в процессе своего публичного поло-социального существования. Такая «социальная игра» до определенной степени детерминирована естественными нормативными основаниями (пол, возраст, естественное состояние организма), однако в своем существе фундаментально конструируется в процессе социального нормативного бытия. Подобное конституирование с авторской точки зрения представляет собой процесс согласования интересов коллективного и индивидуального субъектов, что выражается в согласовании экзогенной и эндогенной нормативных систем. Обозначенный процесс выражает в себе возможность достижения компромисса по вопросу принятия и закрепления принципиально важных ценностей стремления к стабильности и безопасности (со стороны коллектива) и самореализации (со стороны персоны).

Гендер в рамках предложенной логики имеет смысл трактовать в качестве означающего (или, проще говоря, знака), поскольку он представляет собой внешнее выражение конструируемого образа желательного и поэтому ценного поведения. Он имеет семиотическую природу, поскольку формируется и закрепляется институционально в различных формах и способах существования, реализации. Внешне институционально закрепленные практики гендерной идентичности и идентификации представляют собой знаки, которые отсылают к совокупности нормативно-ценностных ориентаций, транслируемых в различных формах. Гендерные практики персональной идентификации суть внешние (знаковые) способы проявления соответствующих ориентаций, их функционал – транслировать стандартизированный и упрощенный способ трансляции желательных образцов поведения.

В научной литературе высказывается идея о том, что «теория и практика гендерных исследований на Западе были направлены не только против сексизма (т. е. предвзятых установок по отношению к представителям того или иного пола), но против тех идеологий и институтов, которые сознательно или бессознательно построены на отношении неравенства» (Голубева, 2009, с. 5). По своей природе такие теоретические основания и практики поведения могут быть поняты в качестве знака несогласия и критики, выражая тем самым политическую позицию говорящего. Вместе с тем такие основания трактуются как знаки социальных и культурных механизмов формирования неравенства на основании биологического пола в традиционном обществе. Такое неравенство принимается в качестве фундаментального и определяющего возможность закрепления за полами социально значимых функций и диспропорции их оценок. Соответственно, обозначение данной диспозиции (гендер как концепт) мыслится в качестве знака, в то время как совокупность нормативных (экзогенных и эндогенных) оснований и соответствующих им свойств трактуется в качестве означаемого. Как следствие, гендер суть культурный знак, отсылающий к соответствующим практикам, конституирующим объекты (в нашем случае – личности), о которых они повествуют.

Семиотический анализ гендера и соответствующего вида идентичности предполагает наличие означаемого в системе гендерных отношений. Оно представляет собой совокупность экзогенных и эндогенных нормативных оснований, которые регламентируют, детерминируют способы существования отдельной личности и на этом основании позволяют конституировать формы персональной идентичности. Такие нормативные основания реализуются в системе социокультурных установок, стереотипов, которые определяют гендерную идентичность персоны и наравне с рядом других элементов представлений о гендерных формах достижения самотождественности формируют представления о коллективном «мы», образ которого транслируется как система принятых, положительно оцениваемых представлений о сообществе и о принадлежащих ему отдельных субъектах – личностях.

Обозначенный образ включает в себя группу стереотипов, определяющих его содержание. В научной литературе отмечается, что «гендерные стереотипы – это социально конструируемые категории “маскулинность” и “феминность”, которые подтверждаются различным (в зависимости от пола) поведением, различным распределением внутри социальных ролей и статусов и поддерживаются психологическими потребностями человека вести себя в социально желательной манере и ощущать свою целостность и непротиворечивость» (Кабалевская, 2012, с. 4). Совокупность социальных и культурных нормативных детерминант фундируют способы достижения персональной гендерной идентичности. Так, понимаемые образы маскулинности и феминности могут быть поняты как совокупность значений, содержащих в себе многообразие эндогенных установок отдельной личности, которые выражены в форме экзогенных норм, закрепленных в различных социальных институтах.

Процесс согласования экзогенных и эндогенных нормативных оснований возможно трактовать через единство ауто- и гетеростереотипов. Первые суть представления членов определенной группы о самих себе. Проще говоря, это – то, как группа себя видит и оценивает. Аутостереотипы органически используют диспозицию позитивно-негативной асимметрии, закрепляющей систему оценок моделей поведения субъектов – участников социального процесса. На стадии адаптации к новым условиям определяющим является стремление не уклоняться от сложившейся и доминирующей в социальной группе социальной ценности, а ее воспроизведение мыслится

как принятое в коллективе и на этом основании важное и коллективно полезное. В дальнейшем определяющим становятся позитивные диспозиции, выраженные в готовности к реализации усвоенных ценностей и установок.

Гетеростереотипы выражают собой совокупность оценочных суждений, которые одна группа формирует в отношении другой. Проводя изучение гетеростереотипов в рамках межэтнических и межнациональных отношений, В. В. Ильюшкин (2015) демонстрирует идею о единстве сравнительно устойчивого когнитивного ядра, представлений о внешнем облике этно-национальной группы, ее историческом прошлом, ряде других признаков, а также об изменчивых суждениях относительно коммуникативных и моральных качествах членов данной группы. Вполне возможно провести аналоговый перенос предложенной идеи в область гендерных форм самоидентификации, в рамках которых реализуется формирование не только знаний о феминном и маскулинном образе, но также их эмоциональное переживание отдельными персонами, выраженное в трансляции относительно изменчивых тематических суждений.

Так, следует говорить о разнонаправленной эмоциональной оценке гетеростереотипов, выраженной как в позитивной, так и негативной окраске данных стереотипов. Такая окраска позволяет на эмоциональном уровне закреплять приемлемые модели поведения. Следует заметить, что гетеростереотипы представляют собой не объективную истину, но социально сконструированные фильтры, которые оказывают высокое влияние на соответствующие формы восприятия и взаимодействия. Именно их возможно считать важным фактором влияния на формирование значения гендера.

В рамках проведенных психологических исследований М. М. Карнелович и В. И. Казаренков (2022) указывают на ряд значимых ауто- и гетеростереотипов, так или иначе распространенных в среде российской и белорусской молодежи. Проведенный анализ стереотипов позволяет сделать вывод о согласованности представлений о феминном и маскулинном гендере хотя бы на том основании, что маскулинный аутостереотип, выражающий представление о ряде волевых (смелый, стойкий к неудачам, целеустремленный, решительный), когнитивных (абстрактное мышление, хорошая память, логичность) и иных характеристик, не противоречит феминным гетеростереотипам, в частности – коммуникативным (доминирующий, готовый прийти на помощь, галантный, вежливый, склонный к сексизму) и специальным (умелый в ремонте, склонный к точным наукам). Точно так же не противоречат друг другу феминные ауто- и маскулинные гетеростереотипы (Карнелович, Казаренков, 2022).

Соответствующая гендерная идентичность, выраженная в терминах «маскулинность» или «феминность», представляет собой реализованные в институциональной форме представления о ценных моделях поведения. Сами термины, обозначающие конкретные формы гендерной идентичности, есть знаки, отсылающие к соответствующим социально закрепленным и приемлемым значениям. Установки же возможно мыслить как значения, закрепленные в совокупности требований к моделям поведения человека. Они суть содержания знаков, которые формируются и институционализируются представления о желательных и приоритетных моделях поведения.

Частным случаем, проявлением обозначенного разделения значимых функций и соответствующей диспозиции следует считать феномен одежды и моды как выражения гендерной идентичности. Ю. Л. Герасимова и Н. О. Соснина (2018) высказывают справедливую идею о том, что «гендерная репрезентация, или гендерное самовыражение (англ. gender expression), т. е. набор признаков, с помощью которых человек сообщает обществу о своем “гендере”, неизбежно заложен в костюме и транслируется им. Если визуальное восприятие через одежду, макияж и поведение позволяет “считывать” сексуальную и гендерную идентичность и социальное положение, то одетое тело само по себе является инструментом выражения личности» (2018, с. 45). При этом одежда толкуется как система знаков, отражающих гендерные стереотипы и принципы нормирования человеческого поведения в повседневных практиках. Отметим, что первичным мыслится знаковая природа гендера, реализуемая в практиках использования одежды и костюма. Последние понимаются в качестве прикладного следствия существующих способов и принципов применения фундаментальной семиотической природы гендера. Поэтому использование одежды и моды в данном контексте может быть осмысленно через систему гендерно детерминированных знаков, отражающих многообразие стереотипов поведения как соответствующих им значений, заложенных в костюме.

Дизайнер, носитель костюма и его зритель при создании и восприятии одежды взаимодействуют с общепринятыми стереотипами мужественности и женственности. Возможно говорить о том, что феминный и маскулинный гендеры семиотически суть знаки, которые реализуются в форме одежды и транслируются для подтверждения социально и исторически приемлемых моделей поведения. Знаковое как внешнее выражение таких стереотипов мыслится нами в качестве первичного по отношению к практикам персональной идентификации. Подбор и практическая реализация соответствующих видов идентичности осуществляется через наполнение знаковых структур конкретным содержанием, то есть значением.

В литературе отмечается корреляция гендера как знака с формой костюма. Подобная корреляция выражает общественные установки, среди которых «мягкая, пластичная и подчеркивающая фигуру ассоциируется с феминностью; жесткая, четкая, не плотно прилегающая к телу — с маскулинностью» (Герасимова, Соснина, 2018, с. 45). Ученые отмечают, что подобная логика характерна для ряда других аспектов гендерного прочтения одежды как формы проявления гендерной идентичности. Речь идет о восприятии женского тела как объекта для инвестирования и потребления, что приводит к трансляции идеи приемлемости обнаженности некоторых участков тела и использованию декоративной косметики. Применяется дифференцирование одежды с гендерной точки зрения (платье – женское, брюки и галстук – мужское). Даже цветовые гаммы и декоративные решения до определенной степени интерпретируются как знаковая форма гендерной принадлежности. Все это говорит о возможности толкования одежды как знака, проявления семиотической природы гендера, то есть как внешнего выражения внутренних интенций, что делает одежду и костюм знаковым выражением гендерной идентичности.

Семиотическое понимание гендера и соответствующих форм идентичности имеет иные способы практического применения и реализации, в частности в сфере языковой интеракции. С. С. Голубева (2009), проводя анализ гендерных различий в семантической и лингвистической областях, указывает на использование в языковых оборотах социальной иерархии. Знаковая природа гендерной идентичности выражается в возможности лингвистического закрепления социальной иерархии, что проявляется:

- в восприятии мужчины как нормы, а женщины как отклонения от нее (словарная форма женского рода стилистически маркирована);
- в ассоциации мужчины с положительными свойствами, а женщины – с отрицательными (в испанском языке одно и то же слово, имея мужской род, переводится позитивно, а имея женский род – негативно);
- в мужской доминации и женской «невидимости» в языке. Высказывается положение о профессии как прерогативе мужчины, что отражается на использовании языковых средств при обозначении конкретных профессий (Голубева, 2009, с. 8-9).

Знаковая составляющая гендера и соответствующей формы идентичности определяется, как нам представляется, совокупностью используемых вербальных способов формирования социальной иерархии. Это становится возможным благодаря совокупности оценочных высказываний, приемлемых в конкретном сообществе и принимаемых в качестве регламента отношения к половому и гендерному положению субъектов – участников социальной иерархии. При этом используемые высказывания суть знаки, а их содержание, включающее в себя оценочные и регламентирующие элементы, может быть понято в качестве значения гендерной диспозиции.

На основании двух представленных структурных элементов становится возможным формирование системы оценок, иерархии гендерных ролей, а также вхождение отдельных субъектов – личностей через воспитательный процесс и социализацию в систему общественных связей и отношений. Как результат, личности приобретают гендерную идентичность, которая позволяет согласовать два важных элемента. Одним из них следует считать совокупность экзогенных (в частности – социальных) ожиданий, включающих в себя соответствующие нормативные требования, предъявляемые к персональному бытию человека. Другим же нами мыслится совокупность эндогенных интенций и нормативных оснований, позволяющих выразить способы персонального существования. Согласование двух этих элементов позволяет построить гендерную иерархию и выразить ее в лингвистической форме.

Гендерная идентичность как знак предполагает возможность использования ресурсов гендерной политики государства как политики, затрагивающей интересы и потребности мужчин и женщин, действий государства в достижении гендерного равенства, а также конкретных мер в области развития политики равных возможностей (Хасбулатова, 2005, с. 3). Процесс формирования равенства перспектив при неравенстве исходных свойств социальных субъектов позволяет говорить об использовании понятий «маскулинность» и «феминность» в качестве знаков, отсылающих к конкретным статусно-ролевым моделям поведения, позволяющим определенно (исторически, социально, культурно ценным способом) конструировать значения данного понятия, а значит – практик персонального и коллективного существования. При этом такой знак сам формирует-ся за счет ресурсов акторов, участвующих в актуальной гендерной политике.

Семиотическая природа гендерной идентичности может формироваться на основании участия в политическом процессе и законотворческой деятельности различных женских общественных организаций. В России до начала 2000-х годов существовал ряд подобных организаций, которые, как отмечает Т. Е. Ломова (2021), способствовали формированию гражданского общества через участие в поддержке женского сообщества, а также решении накопившихся экономических, социальных, политических и иных проблем женщин. Реализация такой активности на уровне решения государственных проблем позволяла формировать формально-знаковую природу гендерной идентичности.

Однако начиная с 2000 года реализовались ключевые изменения и тенденции в развитии женского движения как в России, так и во всем мире. За счет ряда оснований, среди которых формирующееся нормативно-правовое регулирование (которое привело к запрету ряда НКО и их постепенному закрытию на территории РФ), женское движение сменило фокус своей деятельности в сторону:

- лоббирования законов, направленных на защиту прав женщин, борьбу с насилием и ряд других деструктивных форм взаимодействия;
- работы с парламентаризмом, что выражается в активном участии в парламентских комитетах и предложении экспертных заключений по законопроектам;
- образовательных и просветительных проектах, позволяющих изменять общественные стереотипы.

Обозначенные изменения позволяют говорить о трансформации предмета, на который направлена деятельность женских организаций. Если в 90-х годах ее цель определялась в формировании и закреплении гендера как знака в форме внешне детерминированных моделей поведения, то в дальнейшем приоритетным оказывается содействие формированию значения, то есть ценностно-нормативной системы внутри мировоззрения социальных групп, что можно считать значением, которое приписывается гендерной идентичности как знаку.

Заключение

Подводя итоги, следует говорить о том, что под знаком нами понимается «представитель» другого предмета, внешнее выражение внутреннего опыта. Такая интерпретация знака позволяет провести границу между ним и сигналами как экономными информационными импульсами, позволяющими согласовывать

взаимодействия элементов системы. Значение же трактуется как содержание, наполняющее знаковые структуры. Оно суть идея, мыслительная конструкция, выражающая сущность предмета и до определенной степени отражающая отношение к ней субъекта-интерпретатора.

Интерпретация природы гендерной идентичности с семиотической точки зрения предполагает выделение маскулинного и феминного гендеров в качестве знаков, отсылающих к совокупности значений – социокультурных установок, стереотипов, определяющих гендерную идентичность персоны. Последние суть совокупность ауто- и гетеростереотипов, являющиеся фундаментом согласования нормативных оснований персонального бытия.

Интерпретация природы гендерной идентичности с семиотической точки зрения позволяет выявлять процесс продуцирования и трансляции смыслов, сформированных социальным субъектом в результате коллективной интеракции. Смыслообразование позволяет отделить семиотическую природу гендерной идентичности от совокупности сигналов, транслируемых в коммуникативном процессе, а также от признаков, присутствующих или приписываемых социальному субъекту. Интерпретация природы гендерной идентичности с семиотической точки зрения позволяет говорить о том, что признаки, приписываемые феминному и маскулинному гендеру, приобретают смысл в рамках актуальных условий коллективного бытия и могут транслироваться наиболее социально эффективным способом.

С другой стороны, интерпретация природы гендерной идентичности с семиотической точки зрения может включать в себя авторское положение о детерминации нормативными основаниями практик персонального бытия. Процесс семиозиса в рамках гендерной персональной идентичности следует трактовать в качестве процедуры генерации смыслов и их закрепления в системе нормативных оснований как знаков, позволяющих согласовывать общественные ценности стабильности и безопасности с персональными аксиологическими основаниями самореализации. Как результат, гендер становится в полной мере социальным конструктом, выражением социально-половой функции, позволяющей в знаковой форме транслировать персональные устремления и комфортный способ самопрезентирования в публичной форме. Согласование коллективных и персональных ценностей дает возможность в знаковой форме выразить нормативно закрепленную иерархию статусов и ролей социальных субъектов.

Источники | References

1. Бабайцев А. А. Знак, символ, эмблема: дифференциация понятий // Вестник Донского государственного технического университета. 2010. Т. 10. № 6 (49).
2. Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001.
3. Герасимова Ю. Л., Соснина Н. О. Костюм и мода как воплощение гендерных трансформаций // Человек и культура. 2018. № 5. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2018.5.27350>
4. Голубева С. С. Лингвистическая маркированность гендера как социокультурной категории // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2009. № 25.
5. Ерохин В. С., Ерохина Н. В. Коммуникация как социальный феномен // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 3. <https://doi.org/10.30853/mns210105>
6. Ерохин В. С. Социальные практики и персональная идентификация // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. № 4. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-4-145-157>
7. Ильюшкин В. В. Национальные стереотипы и гетеростереотипы // European science. 2015. № 7 (8).
8. Кабалева А. И. Представления о гендерных стереотипах в современной социальной психологии // Психологические исследования. 2012. № 2 (22).
9. Карнелович М. М., Казаренков В. И. Мужские и женские авто- и гетеростереотипы российской и белорусской молодежи // Вестник университета. 2022. № 3. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-3-192-200>
10. Ломова Т. Е. Женские организации как сегмент гражданского общества современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. Т. 14. Вып. 2. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.202>
11. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2004.
12. Пирс Ч. Начала прагматизма / пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колотилина. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета; Алетей, 2000.
13. Саночкин В. В. Объективный подход к понятию «знак» // Философская мысль. 2019. № 9. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2019.9.30772>
14. Силласте Г. Г. Социальные трансформации и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.2.1>
15. Соссюр Ф., де. Курс общей лингвистики. М.: Логос, 1998.
16. Уфимцев Н. В. Идеи Ф. де Соссюра в психолингвистическом прочтении // Вопросы психолингвистики. 2013. № 17.
17. Федотова М. Г. Понятие «означивание» в семиотических теориях Ф. де Соссюра и Ч. С. Пирса // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 27.
18. Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Ивановский государственный университет, 2005.

Информация об авторах | Author information**RU**

Ерохин Владимир Сергеевич¹, к. филос. н., доц.
¹ Саратовская государственная юридическая академия

EN

Vladimir Sergeevich Erokhin¹, PhD
¹ Saratov State Law Academy

¹ v.s.erohin@mail.ru

Информация о статье | About this article**RU**

Исследование выполнено на базе Научно-образовательной лаборатории правовой философии Института правотворчества и правового прогнозирования ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

EN

The study was carried out at the Research and Educational Laboratory of Legal Philosophy of the Institute of Law-Making and Legal Forecasting at the Saratov State Academy of Law.

Дата поступления рукописи (received): 24.08.2026; опубликовано online (published online): 07.10.2026.

Ключевые слова (keywords): гендерная идентичность; социальные ауто- и гетеростереотипы; процесс семиозиса; практики персональной идентификации; нормативные основания персональной идентичности; gender identity; social auto- and heterostereotypes; process of semiosis; practices of personal identification; normative foundations of personal identity.